

«Булыгинская дума»:
представительство без власти
или власть представительства?

Сергей С. Новосельский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, novoselsky.rggu@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается отношение представителей высшей бюрократии к проекту Государственной думы, разработанному Особым совещанием под председательством министра внутренних дел А.Г. Булыгина в 1905 г. Особое внимание уделяется оценкам сановниками места и роли Думы в системе государственного управления Российской империи, аргументам, которые приводились чиновниками в пользу ее созыва. Анализируется интеллектуальный контекст возникновения проекта «булыгинской думы», во многом определивший широту фактических, а не декларируемых полномочий народного представительства. Основу исследования составляют неопубликованные документы из фондов государственных учреждений, а также материалы личных фондов чиновников и общественных деятелей. В статье показано, что несмотря на законосовещательный характер Думы, она должна была обладать значительными полномочиями. Система выборов, которую предлагали и отстаивали сановники, изначально моделировалась таким образом, чтобы избежать торжества сословного принципа. Открытое противодействие монарха народным представителям считалось политически недальновидным шагом, что свидетельствовало об ограничении его власти. Результаты исследования позволяют рассматривать правительственную политику в 1905 г. не как несвоевременную реакцию на требования общенациональности, но как сознательную стратегию системных политических реформ.

Ключевые слова: Российская империя, Первая русская революция, 1905 год, высшая бюрократия, Государственная дума, «булыгинская дума», народное представительство, общественно-политическая мысль

Для цитирования: Новосельский С.С. «Булыгинская дума»: представительство без власти или власть представительства? // История и архивы. 2021. № 3. С. 32–42. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-32-42

“Bulyginskaya дума”. Agency without power or power of agency?

Sergey S. Novoselskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, novoselsky.rggu@gmail.com*

Abstract. The article considers the attitude of representatives of the top bureaucracy to the draft of the State Duma, developed by a Special Council chaired by the Minister of the Interior A.G. Bulygin in 1905. Particular attention is paid to the high officials assessments of the dignitaries of the place and role of the Duma in the system of state administration of the Russian Empire, the arguments that officials cited in favor of its convocation. It analyzes intellectual context of the emergence of the “bulyginskaya дума” (“Bulygin Duma”) project is analyzed, which largely determined the breadth of the actual, not declared powers of the people’s agency. The research is based on unpublished documents from the funds of state institutions, as well as materials from the personal funds of officials and public figures. The article shows that, despite the legislative nature of the Duma, it had to have significant powers. The electoral system, which was proposed and defended by the high officials, was originally modeled in such a way as to avoid the triumph of the estates principle. The monarch’s open opposition to the people’s agency was considered a politically short-sighted move, which indicated a limitation of his power. The results of the study allow considering the government policy in 1905 not as an untimely response to public demands, but as a conscious strategy for systemic political reforms.

Keywords: the Russian Empire, the First Russian Revolution, 1905, top bureaucracy, the State Duma, «bulyginskaya дума», people’s agency, social and political thought.

For citation: Novoselskii, S.S. (2021), “‘Bulyginskaya дума’. Agency without power or power of agency?”, *History and Archives*, no. 3, pp. 32–42, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-32-42

Введение

Мысль о необходимости создания в России институтов представительной власти возникла задолго до 1905 г. Инициатива исходила от бюрократии, которая являлась одним из системообразующих элементов российского абсолютизма. С 1860-х гг. сановники и вовсе стали основной движущей силой реформ [Медушевский 2000, с. 126]. Общественность, мечтавшая о представительстве, была вправе рассчитывать на реформаторский потенциал самодержавия.

Необходимость политической модернизации в начале XX в. осознавали не только либералы. Идея народного представительства находила все больше сторонников и в правительственных кругах. Но сановники отчетливее других понимали, с какими трудностями им предстояло столкнуться при ее реализации. Сценарий, в котором Россия за полтора года пройдет путь от предложений реформировать Государственный совет по рецепту М.Т. Лорис-Меликова до созыва законодательной Думы, не мог представить себе никто.

Зарождение российского парламента и его так и не состоявшегося предшественника – «булыгинской думы» – продолжает оставаться актуальной проблемой в современной отечественной историографии [Кузнецов 2016; Лукоянов 2017]. Традиционно внимание историков в первую очередь привлекают сюжеты, связанные с разработкой и утверждением проекта «булыгинской думы» [Ганелин 1991; Костылев 2017; Демин 2020]. Сама же Дума по умолчанию расценивается как полумера, робкая правительственная уступка обществу, попытка ввести его в заблуждение созданием народного представительства, лишённого власти. Вопрос о том, как сановники воспринимали будущую Думу, какую роль в системе государственного управления отводили «булыгинской думе» ее авторы, позволяет взглянуть на проблему иначе. «Обманутой» оказывается уже не общественность, а император.

«Булыгинская дума»: первые очертания

После провала в декабре 1904 г. проекта реформы Государственного совета, инициатором которой выступал П.Д. Святополк-Мирский, отношение к идее создания народного представительства в Петербурге начало меняться. По замыслу многих сановников, оно должно было стать новым структурным элементом политической системы, а не дополнением к одному из уже существовавших. Все большей популярностью в правительственных кругах пользовалась идея создания Государственной думы.

В немалой степени этому способствовали события 9 января 1905 г. Вскоре после «кровавого воскресенья» А.С. Ермолов утверждал, что представительный орган мог бы стать площадкой для объединения проправительственных общественных сил¹. Угроза новых беспорядков вынуждала сановников действовать решительно².

¹ Проект манифеста о событиях 9 января // Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 29.

² Редигер А.Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 407.

«Легко согласившись» на созыв законосовещательной Думы уже 11 февраля 1905 г.³, Николай II настаивал на сословном характере будущего представительства⁴. Принципиальная позиция императора нашла отражение в двух проектах рескрипта на имя А.Г. Булыгина, составленных Э.Ю. Нольде и А.А. Будбергом, причем в тексте последнего сословный принцип подчеркивался особо⁵. Его автор также выдвинул предложения по организации выборов. Они должны были пройти в местностях, где имелись дворянские или земские учреждения. Предполагалось, что каждая губерния делегирует в Думу по три депутата (от дворянства, сельских обществ и от прочих городских и уездных владельцев)⁶.

В первой половине 1905 г. многие сановники настаивали на формировании народного представительства на основе земств. С подобными предложениями выступали, в частности, А.Н. Куломзин⁷ и главный «архитектор» «булыгинской думы» С.Е. Крыжановский⁸. Реализовать эту идею не удалось. Решающую роль сыграло противодействие А.Г. Булыгина. В отличие от некоторых своих помощников, министр внутренних дел не был сторонником радикальных реформ. Свою задачу он видел в точном исполнении указаний императора (т. е. в создании народного представительства). Изменения в системе государственного управления, которые бы неминуемо последовали за организацией выборов в Думу на основе земских учреждений, А.Г. Булыгин считал «делом будущих поколений»⁹.

Насколько народным должно быть представительство?

Умеренно-консервативная общественность высказывалась за сословный и национальный принципы организации представительства. По мнению президента Московского общества сельского

³ [Bumte С.Ю.] Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1: Рассказы и стенографические записи. Кн. 2. С. 684.

⁴ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 33 об.

⁶ Там же. Л. 42–42 об.

⁷ Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 132. Л. 9–11.

⁸ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 380.

⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 684.

хозяйства и будущего лидера «Союза русских людей» А.Г. Щербатова, депутаты должны были происходить «исключительно из местностей, населенных коренным русским населением»¹⁰. Грузины, прибалты, поляки и финны были более консолидированы и имели больше возможностей для того, чтобы отстаивать свои политические интересы, «нежели русское население, разбросанное на громадных пространствах, часто вперемешку с населением иноплеменным»¹¹. Государственная дума виделась А.Г. Щербатову собранием, в котором были бы в равной степени представлены все сословия¹². Выборы народных представителей нельзя было доверить земским собраниям. Губернаторы могли влиять (и часто влияли) на избрание земских гласных. Оказавшись в Думе, они выражали бы интересы не столько всего народа, сколько местной администрации. Да и успешное руководство местным хозяйством отнюдь не гарантировало, что земские деятели окажутся компетентными в вопросах законотворчества¹³.

Директор Московского главного архива иностранных дел П.Б. Мансуров предлагал уравновесить либерально настроенных депутатов путем широкого привлечения крестьянства к участию в выборах¹⁴. Эту идею поддерживали и в столичных консервативных кругах. Члены «Отечественного союза» призывали сформировать первую палату представителей, депутаты которой обсуждали бы «основные вопросы государственной жизни», преимущественно из крестьян¹⁵.

Идее сделать ставку в Думе на казалось бы наиболее консервативную часть населения сочувствовала и императорская чета¹⁶. Разработчики «булыгинской думы» выступали категорически против. И дело было отнюдь не в опасениях, что «мужики» попадут под влияние революционеров. Гораздо важнее другое: крестьяне были абсолютно не готовы к государственной службе. Их корпоративные интересы были весьма ограничены¹⁷, а подавляющее большинство крестьян вовсе не владело грамотой и оказалось бы не в «состоянии понять не только содержащихся в законопроекте правил, но даже

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же. Л. 14–15.

¹³ Там же. Л. 16–17.

¹⁴ Там же. Л. 55 об.

¹⁵ Гурко В.И. Указ. соч. С. 734.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 519. Л. 3 об.; [Bumme С.Ю.] Указ. соч. Т. 2. С. 113.

¹⁷ Падение царского режима... Т. 5. С. 390.

заголовка его»¹⁸. Еще в апреле 1905 г., в самый разгар подготовки проекта народного представительства, А.Г. Булыгин прямо говорил, что «крестьян он ни за что не допустит»¹⁹.

Судьба будущих депутатов-крестьян решилась довольно курьезно. В ходе Петергофских совещаний между участниками разгорелся спор о том, может ли депутат быть неграмотным. Слово взял историк Н.М. Павлов. В своем выступлении он апеллировал к житию святого, не владевшего грамотой. Императору этот аргумент показался убедительным, и он утвердил возможность избрания в Думу лиц, не умевших читать и писать, «на первое, по крайней мере, время»²⁰.

Однако по замыслу разработчиков «булыгинской думы» правительству следовало сделать в ней ставку не на «бродячих мещан и крестьян», а также «адвокатов и докторов, лишь номинально приписанных к такой-то губернии», а на представителей «оседлых» сословий – дворянства и купечества²¹. Важно подчеркнуть, что хотя в ходе выборов в Думу и предполагалась известная сословная дифференциация, но все же эти выборы, по убеждению авторов проекта, не должны были быть строго сословными [Новоселский 2019, с. 148]. В противном случае при существовавшем в России количественном соотношении между дворянами и крестьянами²² на одного депутата-дворянина приходилось бы 80 представителей крестьянства²³. Национальный принцип организации выборов также не встречал у сановников сочувствия. На Петергофских совещаниях Д.Ф. Трепов настойчиво советовал царю не препятствовать участию евреев в выборах²⁴.

Советательная – значит безвластная?

Разработчики проекта «булыгинской думы» не считали, что законосовещательный характер представительства превратит его в сугубо номинальный орган власти. 24 мая 1905 г. работниками

¹⁸ Гурко В.И. Указ. соч. С. 734.

¹⁹ Богданович А.В. Три самодержца: Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 270.

²⁰ Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. С. 158.

²¹ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73 об.

²² Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. Вып. 1. С. 26–27.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Петергофские совещания о проекте Государственной Думы... С. 122.

Особого совещания под председательством А.Г. Булыгина была подготовлена «Историческая справка» по вопросу созыва народных представителей в России. По мнению ее составителей, парламентаризм не отвечал российской политической традиции хотя бы потому, что на Западе он пришел на смену феодализму, когда возникла необходимость установления взаимоотношений между государством и обществом на новых, «правовых» основаниях. Однако «на Руси никогда не было феодализма, всегда существовало доверие и единение царя с народом», выраженное в периодических созывах законосовещательных Земских соборов. Следовательно, задачей было не заключение между царем и народом «конституционного договора», а развитие «правительственного механизма <...> в духе развития исконных русских начал»²⁵.

Рассуждения сановников были созвучны логике одного из идеологов славянофильства К.С. Аксакова, впервые употребившего в 1840-х гг. термин «Земский собор». Согласно концепции К.С. Аксакова, приняв решение о созыве Собора, царь уже не мог пойти против его воли, ведь тем самым он нарушил бы свое предназначение – служить интересам «земли» (народа). Следовательно, правопреемница Земских соборов «булыгинская дума» ограничивала власть монарха в гораздо большей степени, нежели парламент. Являясь, в первую очередь, ограничением нравственным, оно было для государя строже любых правовых норм.

Схожую мысль отстаивал в своем докладе Николаю II Д.М. Сольский. По его утверждению, интересы монарха и его подданных в России полностью совпадали. А значит, не было нужды скреплять их отношения конституционным договором. Созыв Думы являлся актом доброй воли императора и выражал его стремление удовлетворить пожелания общества. Монарху станет проще заботиться о народе, ведь царь сможет узнавать о его потребностях «из первых уст». Это, однако, накладывало на Николая II дополнительную ответственность. По словам Д.М. Сольского, «его несогласие с мнением Думы не будет уже иметь оправдания в недостаточной осведомленности законосовещательных учреждений об истинных потребностях населения»²⁶. Так в 1905 г. славянофильская теория наполнялась практическим содержанием: открытое противодействие монарха народным представителям считалось уже не только идеологически неверным, но и политически недальновидным шагом.

К 27 июля 1905 г. было подготовлено три проекта Манифеста об учреждении Государственной думы. Один из них был составлен

²⁵ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73.

²⁶ Там же. Ф. 694. Оп. 2. Д. 112. Л. 5.

Н.С. Таганцевым. Автор проводил параллели между Думой и Земскими соборами XVI–XVII вв., а также властными экспериментами в области народного представительства (в частности, Уложенной комиссией Екатерины II). Историческая преемственность выборных начал в России утверждалась Н.С. Таганцевым и на примере института губернских и уездных предводителей дворянства²⁷. Подобная глубина исторических аналогий не нашла отражения в итоговой редакции Манифеста, однако идея законодательной преемственности, а не чрезвычайности решения императора о созыве Думы (посредством упоминания Манифеста 26 февраля 1903 г.) в нем все же просматривалась [Новосельский 2019, с. 157].

Манифест 6 августа 1905 г. был с одобрением встречен сановниками, которые наделяли проект «булыгинской думы» рабочим, а не декларативным содержанием. П.П. Дурново называл его «великим законодательным актом»²⁸. Э.Ю. Нольде выражал надежду на то, что представители общественности охотно включатся в созидательную государственную работу наравне с правительством²⁹. Даже последовательный сторонник созыва Земского собора А.А. Киреев был убежден, что посредством Думы удастся заменить «неудачных бюрократов деятелями удачными», примкнувшими к оппозиции во многом потому, что ранее они не имели никаких шансов легально прийти во власть. С учреждением Государственной думы общественным деятелям предоставлялась такая возможность³⁰.

По мере приближения выборов в Думу сановники все меньше уповали на силу консолидирующего эффекта, который произведет в обществе ее созыв. Напротив, сомнений в том, что Государственная дума будет настроена крайне оппозиционно, практически не оставалось. 24 сентября 1905 г. Д.Ф. Трепов призывал царя приступить к формированию «твердо сплоченной консервативной партии порядка», которая сумела бы одержать победу на выборах. Залог ее успеха виделся Д.Ф. Трепову в разработке и придании широкой огласке правительственной программы реформ, которую члены партии могли бы противопоставить оппозиции в ходе обсуждений различных законопроектов в Думе³¹. Не менее важная задача состояла в том, чтобы сделать новый орган власти максимально легитимным в глазах общественного мнения. Для этого выборы в Думу должны

²⁷ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 43.

²⁸ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1431. Л. 58.

²⁹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 396. Л. 1 об. – 2.

³⁰ [Киреев А.А.] А.А. Киреев: Дневник: 1905–1910. М., 2010. С. 77.

³¹ Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. М., 2017. С. 18–19.

были бы произведены без какого бы то ни было вмешательства со стороны администрации³². Только в этом случае Государственная дума могла стать инструментом правительственной политики.

Заключение

События Первой русской революции вынудили власть искать диалога с обществом. Государственная дума должна была оказывать правительству содействие в преодолении революционного кризиса. Но законосовещательный характер будущего представительства не достигал этой цели, поскольку порождал конфликт между облеченными властью чиновниками и формально лишенными ее депутатами. И хотя создатели «булыгинской думы» расценивали ее как орган действительного, а не мнимого народного представительства, ее проект уже не отвечал вызовам времени. Осенью 1905 г. в Петербурге полагали, что наделенную более широкими правами Думу правительству будет проще контролировать. Даже если создание механизмов этого контроля потребует от власти беспрецедентных реформ.

Проект «булыгинской думы» изначально воспринимался представителями высшей бюрократии как новаторский. Они рассматривали Думу как инструмент квалифицированной общественной экспертизы верховной власти. Такая Дума не могла строиться на сословных или национальных основаниях. Она должна была стать реальным противовесом единоличной власти монарха. Чтобы убедить Николая II пойти на этот шаг, сановникам приходилось тщательно взвешивать аргументы. Их поиск привел авторов «булыгинской думы» к давнему тезису славянофилов о том, что только народное представительство делало монархию в России легитимной. Законосовещательная Дума казалась удачным компромиссом между стремлением бюрократии и общества к реформам и инертностью самодержавия. Отказ от ее созыва был обусловлен не революцией в сознании чиновников, а политической целесообразностью.

³² РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 177.

Литература

- Ганелин 1991 – *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.
- Демин 2020 – *Демин В.А.* Государственная дума vs. Земский собор: сравнительный анализ проектов С.В. Крыжановского и В.И. Гурко // Таврические чтения–2019: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. С. 58–65.
- Костылев 2017 – *Костылев А.В.* На раннем этапе разработки думского избирательного законодательства в законосовещательную Думу (весна–лето 1905 г.) // Таврические чтения–2016: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.: Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Элек-Сис, 2017. Ч. 1. С. 85–93.
- Кузнецов 2016 – *Кузнецов А.А.* На пути к выборам в III Государственную думу: Об истории Булыгинского избирательного закона // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 137–143.
- Лукоянов 2017 – *Лукоянов И.В.* Сановники и реформы в 1905 г.: от 9 января к актам 18 февраля // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / Отв. ред. М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петров. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 314–336.
- Медушевский 2000 – *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России: XVIII – начало XX в. / Отв. ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 95–166.
- Новосельский 2019 – *Новосельский С.С.* Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2019. 376 с.

References

- Ganelin, R.Sh. (1991), *Rossiiskoe samoderzhavie v 1905 godu. Reformy i revolyuciya* [Russian autocracy in 1905. Reforms and revolution], Nauka, Saint-Petersburg, Russia.
- Demin, V.A. (2020), “State Duma against Zemsky Sobor (Assembly of Land). Comparative analysis of projects by S.V. Kryzhanovsky and V.I. Gurko”, in Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya–2019: Aktual’nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost’. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavricheskij dvorec, 5–6 dekabrya 2019 g.: Sbornik nauchnyh statej. V 2 ch.* [Taurian Conference 2019. Current issues of parliamentarism. History and contemporaneity. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tavrichesky Palace, 5–6 December 2019:

- Collection of scientific articles. 2 vols.], vol. 1, Asterion, Saint-Petersburg, Russia, pp. 58–65. Kostylev, A.V. (2017), “At the early stage of the development of the Duma legislation for the elections to the quasi-Legislative Duma (spring–summer 1905)”, in Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya–2016: Aktual’nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost’. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavricheskij dvorec, 8–9 dekabrya 2016 g. Sbornik nauchnyh statej* [Taurian Conference 2016. Current issues of parliamentarism. History and contemporaneity. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tavrichesky Palace, December 8–9, 2016 Collection of scientific articles], vol. 1, Elek-Sis, Saint-Petersburg, Russia, pp. 85–93.
- Kuznecov, A.A. (2016), “On the way to the elections to the III State Duma. On the history of the Bulygin electoral law”, *Vlast’*, vol. 24, no. 10, pp. 137–143.
- Lukoyanov, I.V. (2017), “High Officials and reforms in 1905. From January 9 to the February 18 acts”, in Voskresenskaya, M.A., Krymskaya, A.S., Petrov, E.V. (eds.) *Istoriik. Vremya. Obshchestvo: Sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN Rafaila SHolomovicha Ganelina (1926–2014)* [Historian. Time. Society: Collection of works for the 90th anniversary of the birth of Associate Member RAS Rafail Sholomovich Ganelin (1926–2014)], Novyj Hronograf, Moscow, Russia, pp. 314–336.
- Medushevskii, A.N. (2000), “Constitutional projects in Russia”, in Bertolissi, S., Saharov, A.N. (eds.) *Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII – nachalo XX v.* [Constitutional projects in Russia in the 18th – early 20th centuries], IRI RAN, Moscow, Russia, pp. 95–166.
- Novosel’skii, S.S. (2019), “Government projects to overcome the revolutionary crisis of 1905 in Russia”, Ph.D. Thesis (History), RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей С. Новосельский, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; novoselsky.rggugmail.com

Information about the author

Sergey S. Novoselskii, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; novoselsky.rggugmail.com